

Оригинальная статья/ Original article

УДК 341.9.018

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.101-111>**Коллизионно-правовое регулирование отношений
по международному транзиту электрической энергии****И.А. Асафина***Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, г. Москва, Россия**AsafinaInna@yandex.ru***Аннотация**

В настоящей статье проведен анализ особенностей коллизионного регулирования отношений по международному транзиту электрической энергии. Отмечается, что международный транзит электрической энергии представляет собой комплексный технический процесс со сложным правовым регулированием. Межгосударственная передача электрической энергии может осуществляться путем ее фактического перемещения и (или) замещения. Выбранный способ влияет на вид заключаемых договоров, а также на применение коллизионных норм. Сделан вывод о том, что коллизионно-правовое регулирование отношений по транзиту электрической энергии представлено в виде: 1) генеральной коллизионной нормы, предусматривающей возможность для сторон договора выбрать применимое право; 2) субсидиарной коллизионной нормы, предусматривающей определение судом применимого права, исходя из вида договора и стороны, исполнение договора которой будет иметь решающее значение; 3) корректирующей оговорки, позволяющей суду применить право той стороны, с действиями которой наиболее тесно связано фактическое исполнение договора.

Ключевые слова: международное частное право, транзит электрической энергии, коллизионные нормы права, применимое право

Для цитирования: Асафина И.А. Коллизионно-правовое регулирование отношений по международному транзиту электрической энергии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 3. С. 101–111. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.101-111>.

Conflict-of-laws regulation of the international transit of electric energy**I.A. Asafina***Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia**AsafinaInna@yandex.ru***Abstract**

This article examines the conflict-of-laws regulation applying to the cross-border transit of electric energy. The analysis revealed that such transit is a technically complex and legally nuanced process. It can be accomplished by actually moving and (or) replacing electric energy. The selected option affects the type of contracts concluded and the conflict-of-laws rules applied to them. The conflict-of-laws regulation governing the electric energy transit among different countries includes: 1) general conflict-of-laws rule recognizing the parties' autonomy to choose the applicable law; 2) subsidiary conflict-of-laws

rule allowing courts to determine the applicable law based on the type of the contract and the party with principal performance obligations; and 3) corrective clause permitting courts to apply the law of the party most closely connected to the actual execution of the contract.

Keywords: conflict of laws, transit of electric energy, conflict-of-laws rules, applicable law

For citation: Asafina I.A. Conflict-of-laws regulation of the international transit of electric energy. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 3, pp. 101–111. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.101-111>. (In Russian)

Введение

Заключение внешнеэкономической сделки является длительным комплексным юридическим процессом, сложность которого обусловлена прежде всего тем, что стороны являются субъектами разных правовых юрисдикций. Ряд авторов (например, Ю.В. Блинова) полагает возможным регулирование подобных отношений исключительно договором («контрактом без права») [1, с. 97], ссылаясь на то, что определение национального права какой-либо страны, применимого к договору, необходимо не всегда, а только в случае возникновения спора. Другие исследователи (например, Л.А. Чеговадзе [2, с. 330–348], М.Ф. Воронина [3]) относят договор к отдельному виду источника права, регулирующему частнопровые отношения. Обе точки зрения являются спорными, однако зачастую для нивелирования риска неверного толкования условий договора в связи с разностью правовых юрисдикций, а также в целях защиты своих интересов стороны договора, осложненного иностранным элементом, действительно максимально подробно описывают его условия. При этом даже детальное описание условий договора не гарантирует его надлежащего исполнения, так как на преддоговорном этапе практически невозможно спрогнозировать все проблемные ситуации, которые могут возникнуть по ходу реализации заключаемого договора. В случае неисполнения одной из сторон принятых на себя обязательств для защиты интересов в судебном порядке условий договора недостаточно. Судебная защита предполагает необходимость определения и применения судом права, санкционированного государством. Следовательно, определение права, подлежащего применению, будет иметь важное значение для защиты интересов сторон. Целью настоящей статьи является анализ особенностей коллизионно-правового регулирования отношений, возникающих по договору транзита электрической энергии, в законодательстве Российской Федерации.

Актуальность вопроса обусловлена тем, что в российском академическом сообществе отсутствуют примеры комплексного анализа коллизионного регулирования указанных отношений, несмотря на непрерывный процесс международного транзита электрической энергии и возникающие в ходе его осуществления вопросы правоприменения. Кроме того, введенные в отношении Российской Федерации санкции, осложнившие или сделавшие невозможным исполнение сторонами ранее заключенных сделок с иностранным элементом, еще раз доказали важность вопроса определения применимого права к договорным отношениям, в том числе с помощью коллизионных норм.

1. Международно-правовое регулирование транзита электрической энергии

Частью 3 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрено, что коллизионный вопрос, а также необходимость определения судом применимого права с помощью коллизионных норм возникают тогда, когда отношения не регули-

руются международным правом полностью либо частично. В противном случае применение коллизионных норм с целью определения права исключается.

Основными международными правовыми актами в сфере транзита являются Барселонская конвенция о свободе транзита 1921 г., Женевская конвенция о транзитной передаче электрической энергии 1923 г., Договор к Энергетической хартии 1994 г. Указанные акты регулируют отношения по международному транзиту, устанавливая права и обязанности сторон транзита, особенности определения платы за транзит, порядок рассмотрения возникающих в сфере транзита споров и иное. Однако Российская Федерация не выразила свое согласие на присоединение к упомянутым международным актам. В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» именно согласие, выраженное предусмотренными законом способами (например, подписание договора, ратификация, присоединение и т. д.), обуславливает обязательность применения Российской Федерацией указанных актов. Это означает, что ни один из приведенных документов не является источником регулирования отношений по транзиту электрической энергии с участием российской компании.

В последнее время особый интерес для изучения вопроса применимого права представляют издаваемые в рамках интеграционных объединений с участием Российской Федерации акты в области энергетики, в частности связанные с образованием объединенного энергетического рынка. С учетом специфики особого вида товара – электрической энергии, передача которой возможна исключительно с использованием сетевой инфраструктуры, целесообразно рассматривать только те интеграционные объединения, энергосистемы участников которых имеют электрические связи (прямые либо опосредованные) с энергосистемой Российской Федерации. Исходя из субъектного состава участников отношений по транзиту электрической энергии и их принадлежности к определенному интеграционному объединению, источники правового регулирования представляется возможным разделить на несколько групп.

1. Международные акты в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). В части отношений по транзиту электроэнергии, участниками которых являются хозяйствующие субъекты стран СНГ, среди основных источников регулирования можно выделить Соглашение о транзите электрической энергии и мощности государств-участников Содружества Независимых Государств от 25 января 2000 г. (далее – Соглашение о транзите СНГ), которое содержит общие нормы осуществления транзита электроэнергии в границах СНГ, не определяя право, подлежащее применению к отношениям сторон в неурегулированной части. Так, например, ст. 19 Соглашения о транзите СНГ предусмотрено, что споры по транзиту электрической энергии разрешаются в соответствии с нормами Договора к Энергетической хартии от 1994 г., а также иными международными соглашениями и договорами. Однако Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. №1055-р было принято решение не присоединяться к вышеназванному Договору. Поэтому специальные процедуры урегулирования и рассмотрения споров, предусмотренные Договором к Энергетической хартии, не будут распространяться на отношения с участием российской компании. В отношении иных основных международно-правовых актов, регулирующих транзит (Барселонская конвенция о свободе транзита 1921 г., Женевская конвенция о транзитной передаче электрической энергии 1923 г.), как отмечалось выше, Россия также не выражала согласие на обязательность их применения.

2. Международные акты в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Что касается отношений по транзиту электроэнергии, участниками которых являются хозяйствующие субъекты стран ЕАЭС, среди основных источников регулирования можно выделить Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС), в частности Протокол об общем электроэнергетическом рынке Евразийского экономического союза, который является Приложением № 21 к Договору о ЕАЭС.

Приложение № 21 к Договору о ЕАЭС содержит детальное описание процесса транзита электроэнергии, осуществляемого хозяйствующими субъектами, в том числе учитывает особенности национального законодательства стран – участников ЕАЭС. Однако указанный акт не содержит оснований для прекращения отношений по транзиту, ответственности за неисполнение обязательств одной из сторон, не определяет право, подлежащее применению в неурегулированной части, и т. д.

3. Международные акты в рамках Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь (далее – Союзное государство). В части отношений по транзиту электроэнергии, участниками которых являются хозяйствующие субъекты Союзного государства, среди основных источников регулирования можно назвать Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о формировании объединенного рынка электрической энергии Союзного государства от 6 декабря 2024 г. (далее – Договор об объединенном рынке России и Беларуси), который регулирует транзит электроэнергии только в границах Союзного государства. Так, например, в ст. 1 упомянутого Договора указано, что его положения не распространяются на отношения, связанные с межгосударственной передачей электрической энергии с/на территории третьих государств.

Исходя из анализа приведенных основных нормативно-правовых актов в сфере энергетики, изданных в рамках международных интеграционных объединений с участием Российской Федерации, можно сделать следующие выводы:

1) указанные акты фактически содержат общие принципы осуществления транзита электроэнергии в границах интеграционного объединения, не предусматривая особенности прекращения договорных отношений сторон по транзиту, ответственности за неисполнение обязательств, подсудность спора при его возникновении, применимое право в неурегулированной части;

2) указанные акты практически не регулируют транзит электроэнергии в третьи страны, не являющиеся участниками соответствующих объединений.

С учетом того, что нормами международного права не регулируются / частично регулируются отношения по международному транзиту электроэнергии, участником которых является российская компания, при возникновении спора определение применимого права в соответствии с требованием части 3 ст. 1186 ГК РФ будет осуществлено с помощью коллизионных норм.

2. Коллизионно-правовое регулирование транзита электрической энергии

2.1. Принцип автономии воли

Переходя к описанию коллизионно-правового регулирования международного транзита электрической энергии в российском законодательстве, необходимо особо выделить принцип автономии воли, о коллизионной природе которого в академическом сообществе до сих пор ведутся дискуссии.

Под коллизионной понимают норму, устанавливающую либо содержащую правило определения права, применимого к отношениям, осложненным иностранным элементом, на

регулирование которых претендуют несколько юрисдикций. Именно поэтому коллизионное право также называют конфликтным.

В ст. 1210 ГК РФ для сторон договора, осложненного иностранным элементом, предусмотрена возможность самостоятельно определить право, подлежащее применению (с определенными установленными ограничениями). Иными словами, российским законодательством признается принцип автономии воли. Указанный принцип по-разному оценивается академическим сообществом: как разновидность коллизионной привязки (А.Г. Аксенов [4], Ю.М. Акимова [5]), как производное от принципа свободы договора и как способ регулирования отношения с иностранным элементом (И.В. Гетьман-Павлова¹), как сочетание материально-правовой нормы и нормы коллизионного характера (Т.В. Новикова [6]). Однако большинство ученых едины во мнении о существовании неразрывной связи принципа автономии воли с принципом свободы договора, изложенным в ст. 1, 421 ГК РФ.

Многообразие подходов к соотношению принципов свободы договора и автономии воли объяснимо. Оба принципа диспозитивны и предоставляют право выбора поведения сторонам сделки. При этом принцип свободы договора предполагает для сторон договора возможность установить правоотношения, то есть заключить договор, определить его условия, в том числе включить условия в отношении применимого права, а принцип автономии воли реализуется путем выбора указанного права. Тесная взаимосвязь принципов свободы договора и автономии воли приводит к тому, что указанные термины используют как синонимы. Нередко в судебной практике термины «свобода договора» и «автономия воли» употребляются как взаимозаменяемые. Так, например, в Решении Арбитражного суда Алтайского края от 12 сентября 2017 г. по делу № А03-9439/2017 суд указал, что в сфере внутреннего материального правового регулирования гражданско-правовых договоров автономия воли представляет собой свободное усмотрение участников частноправовых отношений в отношении заключения договора. В Постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 ноября 2023 г. по делу № А54-9455/2020 суд указал: «...доказательства свидетельствуют об отсутствии согласованности и автономии воли ответчика на заключение спорного акта сверки...». Однако с указанным подходом трудно согласиться.

Принцип свободы договора, определенный в ст. 1 и 421 ГК РФ как один из основных принципов российского гражданского законодательства, в общем смысле означает право вступать или не вступать в договорные отношения, выбирать контрагента, выбирать условия договора, устанавливая права и обязанности, то есть фактически относится к материально-правовым механизмам.

Отличие коллизионной нормы от нормы материального права состоит в том, что первая не устанавливает права и обязанности сторон, а определяет порядок, регулирующий частноправовые отношения сторон, являющихся субъектами разных правовых юрисдикций. Следовательно, принцип автономии воли, то есть право сторон согласовать применимое право, относится прежде всего к коллизионным механизмам. Поэтому нельзя не согласиться с Г.К. Дмитриевой [7], В.В. Гавриловым [8] в том, что предоставленная ст. 1210 ГК РФ возможность сторон выбрать применимое право будет являться главным и именно коллизионным правилом, подлежащим преимущественному применению.

Относительно формы выражения автономии воли следует отметить, что соглашение

¹ Гетьман-Павлова И.В. Автономия воли сторон в международном частном праве России (доктрина, законодательство и судебная практика): материалы круглого стола 25–26 октября 2013 г. (Париж). URL: <https://pravo.hse.ru/data/2013/11/07/1282188631/Гетьман-Павлова.pdf>, свободный.

сторон о выборе применимого права, согласно принципу свободы договора, действительно может быть включено в договор как его условие. В то же время указанное соглашение возможно составить в виде отдельного документа, однако оно должно быть формализовано.

С учетом изложенного в соответствии со ст. 1210 ГК РФ стороны договора транзита электроэнергии могут выбрать применимое право, причем как для договора в целом, так и для его части.

Стороны вправе заключить соглашение: выбор применимого права в нем зависит от выбора стороны, которая в предстоящем судебном разбирательстве будет являться истцом, либо в нем предусмотрено применение права той стороны, которая в будущем при возникновении спора выступит истцом или ответчиком (п. 1 ст. 1210 ГК РФ). Так, например, в п. 14.2. Договора о параллельной работе энергосистем Российской Федерации и Республики Казахстан от 23 апреля 2010 г. № 400, заключенном между ПАО «ФСК ЕЭС», ПАО «СО ЕЭС» и АО «KEGOC» (регулирующем в том числе вопросы транзита электроэнергии), предусмотрено, что в случае если ответчиком в суде выступают ПАО «ФСК ЕЭС» и ПАО «СО ЕЭС», то применяется право Российской Федерации; а если ответчиком является АО «KEGOC», применяется право Республики Казахстан.

При этом, как указал Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ), право, подлежащее применению к подобному договору, фиксируется в момент предъявления первого иска; предъявление последующих исков из того же договора, в том числе встречных, не влечет за собой изменения зафиксированного применимого права.

2.2. Применение права стороны, исполнение договора которой имеет решающее значение

В случае если сторонами договора транзита электроэнергии не согласованы ни право, ни принципы его определения, оно подлежит определению с учетом иных коллизионных норм.

Частью 1 ст. 1211 ГК РФ предусмотрено, что к договору применяется право страны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. В зависимости от вида договора частью 2 ст. 1211 ГК РФ определена сторона, исполнение обязательств которой имеет решающее значение для договора. Следовательно, для определения права, применимого к договору транзита электрической энергии, необходимо установить его правовую природу и сторону, исполнение которой будет иметь решающее значение.

Определение правовой природы договорных конструкций, используемых в энергетической отрасли, на практике всегда представляет собой сложную задачу. Как правило, указанные договоры прямо не поименованы в гражданском законодательстве и носят смешанный характер. Исключение не составляет и договор международного транзита электрической энергии. Сложности с определением правовой природы договора начинаются с отсутствия унификации используемого на практике понятийного аппарата [9, с. 28]. В российском законодательстве нет определения договора транзита электрической энергии. Более того, сам термин «транзит электрической энергии» используется для обозначения фактически разных явлений: процесса перетока электрической энергии как внутри страны (с использованием инфраструктуры, принадлежащей разным юридическим лицам), так и за ее пределами. Так, например, в Приказе Федеральной службы по тарифам России от 6 августа 2004 г. № 20-э/2 под «транзитом» понимается транспортировка электроэнергии внутри страны с использованием инфраструктуры, принадлежащей разным юридическим лицам. При этом для опи-

сания пересечения электрической энергией границы России с сопредельным государством в целях исполнения обязательств перед покупателем, находящимся в третьей стране, зачастую используется несколько терминов, например «межгосударственная передача электрической энергии». В соответствии с Протоколом № 21 к Договору о ЕАЭС межгосударственная передача электрической энергии осуществляется путем 1) перемещения и (или) 2) замещения.

1. Под «перемещением электрической энергии» в соответствии с п. 2 Приложения № 21 к Договору ЕАЭС понимается переток электрической энергии, произведенной на территории одного государства, через сети другого сопредельного государства между точками поставки, расположенными на границе. Правовая природа подобного договора транзита соотносится с договором оказания услуг по передаче электрической энергии, поименованным в российском законодательстве и являющимся разновидностью договора возмездного оказания услуг. В п. 3 (1) Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861, указано, что договор оказания услуг по передаче электрической энергии является договором возмездного оказания услуг, из чего следует, что в соответствии с нормами части 2 ст. 1211 ГК РФ при возникновении коллизионного вопроса применяться будет право исполнителя транзита.

2. Под «замещением электрической энергии» в соответствии с п. 2 Приложения № 21 к Договору ЕАЭС понимается одновременная поставка равных объемов электроэнергии в энергетическую систему и из нее через разные точки поставки, расположенные на границе. Замещение не является непосредственным транзитом, так как электроэнергия не перемещается физически через все территорию России от одной точки поставки на границе до другой. Однако замещение служит целям транзита, то есть поставке через территорию Российской Федерации электроэнергии в третью страну. Замещение представляет собой особую схему взаимодействия субъектов энергетики двух или более стран в виде приобретения российским коммерческим агентом объема электроэнергии у хозяйствующего субъекта страны А в одной точке поставки и одновременной продажи равноценного объема электроэнергии хозяйствующему субъекту страны А или С в другой точке поставки (на границе страны С). Заключение договоров купли-продажи осуществляется на оптовом рынке электроэнергии и мощности (далее – ОРЭМ). При этом российский коммерческий агент и хозяйствующий субъект страны А заключают ряд обязательных договоров, предусмотренных спецификой работы ОРЭМ, включая договор оказания услуг по передаче электрической энергии.

Обеспечение целей транзита электроэнергии при замещении осуществляется путем заключения комплекса сложных договорных конструкций, включая договоры купли-продажи электрической энергии, договоры оказания услуг по передаче и т. д. При этом, хотя замещение и служит целям транзита, то есть целям доставки электроэнергии через территорию России в третью страну, формально транзитом не является ввиду отсутствия заключенного договора транзита электрической энергии и физического перемещения электроэнергии через территорию России. Поэтому при возникновении коллизионного вопроса право, подлежащее применению, будет определено не исходя из номинальной цели всей схемы, а исходя из типа конкретного рассматриваемого в ходе судебного процесса договора. Например, к договору купли-продажи электрической энергии применению подлежит право страны продавца (подп. 1 ч. 2 ст. 1211 ГК РФ), к договору оказания услуг по передаче – право страны исполнителя (подп. 16 ч. 2 ст. 1211 ГК РФ) и т. д. вне зависимости от общей цели всей цепочки договоров.

2.3. Принцип наиболее тесной связи

Хотя транзит электрической энергии в виде ее перемещения прямо предусмотрен международными договорами с участием Российской Федерации (например, Договором о ЕАЭС), замещение является приоритетной схемой. По мнению ряда ученых-практиков (например, А.В. Смагина [10]), замещение является единственным способом осуществления межгосударственной передачи электрической энергии на территории России, что объясняется значительной протяженностью территории страны, наличием разных ценовых зон, а также особенностями энергетической системы.

Поэтому в случае возникновения спора по межгосударственной передаче электроэнергии (путем замещения) и при наличии коллизионного вопроса представляется целесообразным рассматривать указанные договоры комплексно в том числе с точки зрения применимого права. Например, договор купли-продажи электрической энергии в начальной точке поставки не имеет фактической цели в виде продажи электроэнергии в обозначенной точке, а заключается для обеспечения возможности перетока электрической энергии в сопредельное с Россией государство. Невозможно сделать вывод о том, что в подобной ситуации исполнение договора со стороны продавца электрической энергии будет иметь решающее значение, так как целью купли-продажи равных объемов является минимизации потерь при транзите электроэнергии через территорию Российской Федерации. Следовательно, необходимо рассматривать заключаемые в процессе замещения электроэнергии договоры в совокупности, включая вопросы определения применимого права. Нельзя не согласиться с мнением М.М. Богуславского [11], который отмечал, что коллизионные привязки, отраженные в ст. 1211 ГК РФ и определяющие право, исходя из вида договора, не являются абсолютными и должны иметь вспомогательную роль, так как смысл ст. 1211 ГК РФ сводится к применению права стороны, с которой договор фактически наиболее тесно связан.

Подобная возможность предусмотрена частью 9 ст. 1211 ГК РФ, содержащей корректирующую оговорку, которая позволяет суду, рассматривающему дело, отказаться от права, установленного коллизионными нормами, в пользу иного правопорядка, более тесно связанного с исполнением договора. Однако, исходя из сложившейся судебной практики, применение судами механизма корректирующей оговорки носит исключительный характер и не осуществляется типично для любой ситуации наличия взаимосвязанных договоров разной правовой природы. На особый характер использования корректирующей оговорки обратили внимание как Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума ВС РФ, так и академическое сообщество (Н.В. Новикова [12], А.В. Асосков [13]). Принимая во внимание редкость случаев использования судами корректирующей оговорки, а также отсутствие критериев, позволяющих определить указанную исключительность, и возникающую в связи с этим правовую неопределенность, представляется необходимым отразить в специальном законодательстве в сфере энергетики возможность применить при возникновении коллизионного вопроса право страны, на территории которой осуществляется межгосударственная передача электроэнергии в виде замещения, ко всем договорным конструкциям, заключаемым в ходе указанного процесса.

Заключение

С учетом проведенного анализа коллизионно-правового регулирования отношений по международному транзиту электрической энергии в российском законодательстве можно сделать следующие выводы:

1) хотя нормы международного права, а также основных международных договоров Российской Федерации в сфере электроэнергетики и содержат некоторые положения, регулирующие международный транзит электрической энергии, они не определяют ряд важных условий, в том числе и применимое право (в неурегулированной части);

2) коллизионно-правовое регулирование отношений по транзиту электрической энергии представлено в виде: а) генеральной коллизионной нормы (ст. 1210 ГК РФ), предусматривающей для сторон договора возможность выбрать применимое право – принцип автономии воли, б) субсидиарной коллизионной нормы (ст. 1211 ГК РФ), предусматривающей определение применимого права, исходя из вида договора и стороны, исполнение договора которой будет иметь решающее значение, в) корректирующей оговорки (часть 9 ст. 1211 ГК РФ), позволяющей суду отказаться от права, установленного коллизионными нормами, в пользу иного правопорядка, более тесно связанного с исполнением договора;

3) договор транзита электрической энергии – правовая конструкция, сложность которой обусловлена рядом факторов: а) особенностью технической составляющей процесса транзита, б) участием в отношениях по транзиту субъектов разных правовых юрисдикций, в) отсутствием унификации понятийного аппарата российского законодательства в сфере энергетики;

4) договор транзита, по условиям которого электрическая энергия физически перемещается через территорию суверенного государства, по своей правовой природе относится к договору возмездного оказания услуг; при возникновении коллизионного вопроса применимым правом в соответствии со ст. 1211 ГК РФ будет являться право страны исполнителя;

5) в случае осуществления межгосударственной передачи электрической энергии через территорию Российской Федерации путем замещения, то есть одновременной купли-продажи электрической энергии в разных точках поставки, применимое право в соответствии со ст. 1211 ГК РФ будет определяться для каждого конкретного договора, исходя из его правовой природы;

6) представляется необходимым в специальном законодательстве в области энергетики отразить норму о возможности (в случае если иное не предусмотрено нормами международных соглашений, а также соглашением сторон) применения права Российской Федерации ко всем договорам, заключаемым в процессе осуществления межгосударственной передачи электрической энергии через территорию Российской Федерации путем замещения.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/, свободный.

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» – Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/, свободный.

Соглашение о транзите СНГ – Соглашение о транзите электрической энергии и мощности государств-участников Содружества Независимых Государств от 25 янв. 2000 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50610/, свободный.

Договор о ЕАЭС – Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 25 мая 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24 июня 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

тантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/?ysclid=m6mrobyea6396878120, свободный.

Договор об объединенном рынке России и Беларуси – Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о формировании объединенного рынка электрической энергии Союзного государства от 6 дек. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412170001?ysclid=m6mrrjp2wt337055098>, свободный.

Решение Арбитражного суда Алтайского края от 12 сент. 2017 г. по делу № А03-9439/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Exgt74wFyaNs/?ysclid=m6mty1xa uw516782503>, свободный.

Постановлении Двадцатого Арбитражного апелляционного суда от 24 нояб. 2023 г. по делу № А54-9455/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vAx9KSAyAplm/?ysclid=m6mtuor3d2973255676>, свободный.

Договор о параллельной работе энергосистем Российской Федерации и Республики Казахстан от 23 апр. 2010 г. № 400, заключенный между ПАО «ФСК ЕЭС», ПАО «СО ЕЭС» и АО «KEGOC». URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/international/Kazakhstan_and_Middle_Asia/PW_agreement.pdf, свободный.

Постановление Пленума ВС РФ – Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/28079/?ysclid=m6ms7gp63i165755192>, свободный.

Литература

1. *Блинова Ю.В.* Определение применимого права к внешнеэкономическим сделкам по принципу наиболее тесной связи // Журн. рос. права. 2014. № 7 (211). С. 95–101. <https://doi.org/10.12737/4828>.
2. *Чеговадзе Л.А.* Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2023. № 2 (60). С. 330–348. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-60-330-348>.
3. *Воронина М.Ф.* Договор как источник права (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 192 с.
4. *Аксенов А.Г.* Применение принципа автономии воли сторон (lex voluntatis) к договору международной купли-продажи товаров // Вестн. ННГУ. 2018. № 1. С. 64–68.
5. *Акимова Ю.М.* К вопросу о соотношении понятий автономии воли, диспозитивности и свободы договора // Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 94–97.
6. *Новикова Т.В.* О подходах к осмыслению автономии воли в международном частном праве // Государство и право. 2021. № 6. С. 183–191.
7. *Дмитриева Г.К.* Международное частное право. М.: Проспект, 2021. 680 с.
8. *Гаврилов В.В.* Международное частное право. М.: Норма, 2009. 368 с.
9. *Асафина И.А.* Понятие транзита электрической энергии во внешнеэкономических договорных отношениях // Международ. публичное и частное право. 2024. № 4. С. 28–32. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2024-4-28-32>.
10. *Смагин А.В.* Межгосударственная передача электрической энергии: технические предпосылки и правовые основы // Энергетика и право. 2017. № 2. С. 10–23.
11. *Богуславский М.М.* Международное частное право. М: Юрист, 2015. 654 с.
12. *Новикова Т.В.* Принцип наиболее тесной связи как корректирующая оговорка договорных правоотношений международного характера // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Право. 2023. Т. 14, вып. 2. С. 403–422. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.208>.
13. *Асосков А.В.* Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве // Законодательство. 2010. № 11. С. 79–87.

References

1. Blinova Yu.V. The law applicable to foreign trade transactions based on the principle of the closest connection. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2014, no. 7 (211), pp. 95–101. (In Russian)

2. Chegovadze L.A. The contract as a standard-setting source in private law. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*, 2023, no. 2 (60), pp. 330–348. (In Russian)
3. Voronina M.F. Contract as a source of law (theoretical and legal aspect). *Extended Abstract of Cand. Diss.* St. Petersburg, 2008. 192 p. (In Russian)
4. Aksenov A.G. Application of the principle of party autonomy (lex voluntatis) to the contract of international sale of goods. *Vestnik NNGU*, 2018, no. 1, pp. 64–68. (In Russian)
5. Akimova Yu.M. On the relationship between the concepts of will autonomy, dispositivity, and freedom of contract. *Business v Zakone*, 2014, no. 6, pp. 94–97. (In Russian)
6. Novikova T.V. On the approaches to understanding the autonomy of the will in conflict of laws. *Gosudarstvo i Pravo*, 2021, no. 6, pp. 183–191. (In Russian)
7. Dmitrieva G.K. *Mezhdunarodnoe chastnoe parvo* [Conflict of Laws]. Moscow, Prospekt, 2021. 680 p. (In Russian)
8. Gavrilov V.V. *Mezhdunarodnoe chastnoe parvo* [Conflict of Laws]. Moscow, Norma, 2009. 368 p. (In Russian)
9. Asafina I.A. The concept of electric energy transit in foreign economic contractual relations. *International Public and Private Law*, 2024, no. 4, pp. 28–32. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2024-4-28-32>. (In Russian)
10. Smagin A.V. Interstate transmission of electric energy: Technical prerequisites and legal framework. *Energetika i Pravo*, 2017, no. 2, pp. 10–23. (In Russian)
11. Boguslavsky M.M. *Mezhdunarodnoe chastnoe parvo* [Conflict of Laws]. Moscow, Yurist, 2015. 654 p. (In Russian)
12. Novikova T.V. The principle of the closest connection as a corrective clause in conventional international relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Pravo*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 403–422. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.208>. (In Russian)
13. Asoskov A.V. The principle of the closest connection in modern conflict of laws. *Zakonodatel'stvo*, 2010, no. 11, pp. 79–87. (In Russian)

Информация об авторе

Асафина Инна Альферовна, соискатель степени кандидата юридических наук, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

E-mail: AsafinaInna@yandex.ru

Author Information

Inna A. Asafina, Applicant for Cand. Sci. (Law) Degree, Lebedev Russian State University of Justice

E-mail: AsafinaInna@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.02.2025

Принята после рецензирования 17.03.2025

Принята к публикации 04.04.2025

Received February 10, 2025

Revised March 17, 2025

Accepted April 4, 2025